

ЕГО ЗОВУТ

ТЭН

АНДРЕЙ ЗАЛЕВСКИЙ

18+

Андрей Залевский

Его зовут Тед

<https://litres.ru/74157377>

SelfPub; 2026

Аннотация

Америка 1970-х верила в доброту. Девушки ездили автостопом, двери домов не запирались на ночь, а зло казалось чем-то маргинальным, обитающим в глухих переулках. Но однажды оно наденет строгий костюм, обаятельно улыбнется и вежливо попросит помочь донести книги до машины.

Этот документальный триллер шаг за шагом раскрывает историю одного из самых страшных серийных убийц США. Автор безжалостно разрушает токсичный миф о «злом гении». Перед вами — леденящая душу хроника того, как социопат использовал бюрократическую разобщенность полиции и базовое человеческое доверие, чтобы годами уходить от правосудия.

От туманных лесов Вашингтона до залитых солнцем кампусов Флориды. От первых догадок следователей до исторического суда, где холодная наука — единственный силиконовый слепок — навсегда сорвала с маньяка его идеальную «маску нормальности».

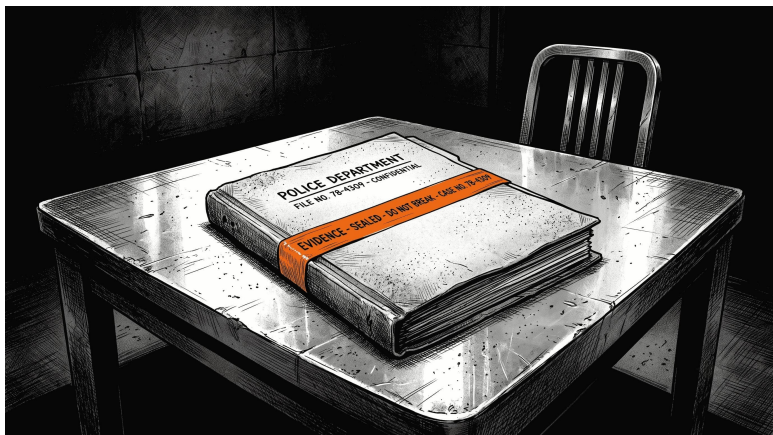
Монстры не прячутся под кроватью. Они улыбаются вам при свете дня.

Содержание

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ / ПРАВОВОЙ	4
ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
(DISCLAIMER)	
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	8
Глава 1. Иллюзия безопасности	14
Глава 2. Голос на проводе	25
Глава 3. «Его зовут Тед»	36
Глава	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Его зовут Тед

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ / ПРАВОВОЙ ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (DISCLAIMER)

Данная книга создана в жанре документального триллера (narrative non-fiction) и основана на реальных событиях, материалах уголовных дел, рассекреченных отчетах полиции и ФБР, официальных протоколах судебных заседаний, свиде-

тельствах очевидцев и публикациях в СМИ, касающихся серии преступлений, совершенных на территории Соединенных Штатов Америки (в штатах Вашингтон, Юта, Колорадо и Флорида) в 1970-х годах Теодором Робертом Банди.

При чтении и дальнейшем использовании данного материала просим учитывать следующее:

1. Художественная реконструкция

С целью создания связного, целостного и психологически достоверного повествования, некоторые диалоги, внутренние монологи героев, эмоциональные реакции и мелкие детали обстановки были реконструированы автором. Эти элементы беллетризации строго опираются на фактологический фундамент следствия и не искажают задокументированного хода событий. Однако они не должны восприниматься как дословная стенограмма (за исключением прямых цитат из протоколов допросов, судебных стенограмм и официальных интервью).

2. Исторические лица и защита частной жизни

В книге фигурируют реальные исторические лица: жертвы преступлений, их родственники, выжившие свидетельницы, сотрудники правоохранительных органов, а также друзья и коллеги преступника. Теодор Роберт Банди был официально признан судом виновным в совершении тяжких преступлений и казнен в 1989 году. Однако автор и издатель подчеркивают: люди из близкого окружения Банди (включая его бывшую невесту, коллег по политическим кампа-

ниям и кризисным центрам), упоминаемые в тексте, не являются соучастниками его деяний. Они сами стали жертвами его колоссальных психологических манипуляций, «маски нормальности» и обмана. Упоминание этих лиц отражает исключительно исторический контекст и не ставит целью их дискредитацию. В некоторых случаях имена второстепенных свидетелей могли быть изменены для защиты их неприкосновенности частной жизни.

3. Использование торговых марок и брендов

Все торговые марки, названия компаний, учреждений и бренды (такие как автомобили Volkswagen/«Фольксваген Жук», женское студенческое братство Chi Omega, автобусные линии Greyhound, супермаркеты Publix и другие), упоминаемые в тексте, являются собственностью их соответствующих владельцев. Они используются в книге по принципу добросовестного использования исключительно в исторических, документальных и информационных целях для точного воссоздания духа эпохи и деталей уголовного дела. Автор не заявляет о наличии связи, спонсорства или одобрения со стороны владельцев данных товарных знаков.

4. Возрастное ограничение и предупреждение о контенте (Trigger Warning) [18+]

Книга предназначена строго для взрослой аудитории. Текст содержит документальные описания сцен физического насилия, жестокости, похищений, а также детальный, судебно-криминалистический анализ тяжелой психопатоло-

гии, социопатии и методов психологического террора серийного убийцы. Чтение данного произведения категорически не рекомендуется несовершеннолетним, лицам с нестабильной психикой, беременным женщинам и людям, остро реагирующим на описания реальных человеческих трагедий. Автор не занимается романтизацией или оправданием преступника; фокус повествования направлен на травму общества, работу следствия и торжество правосудия.

5. Отказ от ответственности

Книга не является учебным, криминалистическим, юридическим, психологическим или медицинским пособием. Автор и издатель не несут ответственности за любой психологический дискомфорт или эмоциональный ущерб, вызванный прочтением данного материала, а также за любые действия читателей, предпринятые на основе информации из этой книги. Все выводы и философские итоги, представленные в тексте, являются авторской интерпретацией исторических и криминалистических фактов.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«Самый дьявольский трюк, который когда-либо проворачивало зло, — это убедить нас в том, что у него есть лицо монстра. Но настоящие чудовища не прячутся во тьме. Они улыбаются нам при свете дня».

Истинный страх редко рождается из предчувствия угрозы. Настоящий, парализующий, экзистенциальный ужас возникает в тот момент, когда рушится ваше базовое доверие к миру. Когда человек, предложивший вам помощь, человек с открытым лицом и мягким баритоном, внезапно меняет взгляд. В эту долю секунды вы понимаете, что все ваши инстинкты вас предали, а за привлекательным фасадом

скрывается абсолютная, первобытная пустота.

Эта книга — не просто хроника одного из самых страшных уголовных расследований в истории Соединенных Штатов. Это документальное погружение в эпоху, когда целая нация утратила свою невинность, столкнувшись с хищником нового типа. Хищником, который эволюционировал, чтобы идеально слиться с толпой.

Чтобы понять масштаб катастрофы, охватившей Америку в середине 1970-х годов, необходимо осознать социальный климат того времени. Представьте себе мир без круглосуточных новостных лент, без мобильных телефонов, геолокации и камер видеонаблюдения на каждом перекрестке. Представьте себе общество, которое только что пережило Лето любви и всё еще верило в идеалы взаимовыручки.

На Тихоокеанском Северо-Западе, в Юте и Колорадо люди жили с презумпцией человеческой доброты. Студенческие кампусы напоминали открытые коммуны. Девушки без страха путешествовали автостопом, садясь в машины к незнакомцам. Двери домов часто оставались незапертыми. Угроза ассоциировалась с маргинальностью: с пьяными драками в темных переулках, с вооруженными грабителями, с людьми, чей внешний вид кричал об опасности.

Мы были биологически и культурно запрограммированы ожидать, что зло будет выглядеть уродливо. И именно в эту слепую зону человеческого восприятия шагнул Теодор Роберт Банди.

На протяжении десятилетий массовая культура, жаждущая сенсаций пресса и кинематограф совершали одну и ту же непростительную этическую ошибку: они романтизировали образ этого преступника. Был создан и растиражирован токсичный миф о «злом гении», дьявольски привлекательном и невероятно умном стратеге, который якобы играл с правоохранительной системой в сложные шахматные партии.

На страницах этого документального триллера я ставлю перед собой цель безжалостно, шаг за шагом, разрушить этот фасад.

Опираясь на тысячи страниц рассекреченных полицейских архивов, стенограммы судов и показания выживших, мы заглянем под так называемую «маску нормальности». Мы увидим, что за безупречным костюмом и дипломом юриста не было никакого гения. Там скрывался трусливый, патологический нарцисс, движимый комплексами неполноценности и жадой абсолютной власти над теми, кто физически слабее него.

Его неуловимость объяснялась не выдающимся интеллектом. Она была следствием того, что мы в криминалистике называем «слепотой связи». Детективы того времени, вооруженные лишь бумажными картотеками и дисковыми телефонами, просто не могли представить, что один и тот же человек может убивать в Вашингтоне, затем переезжать в Юту, а оттуда — в Колорадо и Флориду. Он эксплуатировал не толь-

ко нашу готовность помочь человеку на костылях, но и зияющие дыры в бюрократическом аппарате разобщенной полиции.

В литературе жанра True Crime существует огромный соблазн сфокусировать всю оптику на фигуре маньяка, превратив его в темную звезду повествования, а жертв — в безликую статистику уголовного дела. Это в корне неверный и разрушительный подход.

Эта история не принадлежит убийце. Она принадлежит тем, чьи жизни он оборвал, и тем, кто нашел в себе силы дать ему отпор.

Линда Энн Хили, Дженис Отт, Дениз Наслунд, Кэрол Даронч, Маргарет Боумен, Лиза Леви... Они не были просто «жертвами». Они были талантливыми студентками, любящими дочерьми, девушками с амбициями и мечтами. У них были планы на будущее, которые сгорели в пламени чужой психопатологии. Мы восстановим хронологию их жизней с максимальным уважением, избегая анатомического смакования жестокости, но не отворачиваясь от масштаба их трагедии. Их невидимое присутствие в залах суда, улики, которые они оставили следователям, и горе их семей — вот то топливо, которое заставило жернова правосудия крутиться.

Читая эту книгу, вы станете свидетелями исторического перелома в методах расследования. Вы увидите, как полиция и агенты ФБР, оказавшись в тупике перед лицом нового, невидимого врага, были вынуждены изобретать кримина-

листику заново. От интуитивных догадок мы перейдем к зарождению поведенческого анализа (профайлинга) и станем свидетелями того, как холодная, безжалостная наука — будь то микроволокна в автомобиле или судебная стоматология — нанесла сокрушительный удар по гордыне преступника.

Но мы также заглянем в пугающее зеркало самого общества. Мы исследуем феномен когнитивного диссонанса, поразившего друзей и близких убийцы, которые годами отказывались верить в очевидное. Мы проанализируем шокирующий феномен гистриофилии, когда во время суда в Майами зал заполнялся молодыми женщинами, влюбленными в подсудимого, а трагедия превратилась в первое в истории национальное реалити-шоу.

Как мы допустили, чтобы суд над серийным убийцей превратился в цирк с раздачей автографов? Ответ на этот вопрос кроется в самых темных уголках человеческой психики, уязвимой перед харизмой и медийными манипуляциями.

Моя задача — провести вас по этому лабиринту не для того, чтобы напугать, а для того, чтобы заставить задуматься. Эта книга — анатомия идеального обмана и хроника того, как тяжело и болезненно система восстанавливает равновесие.

Приготовьтесь. Мы отправляемся в 1974 год. В Сиэтле идет мелкий дождь. В кризисном центре звонит телефон, и мягкий голос волонтера на другом конце провода убеждает очередного отчаявшегося человека сохранить себе жизнь.

Завтра этот же волонтер наденет фальшивый гипс, сядет в свой светло-коричневый «Фольксваген Жук» и отправится на охоту.

Переверните страницу. История, которая навсегда лишила Америку иллюзии безопасности, начинается.

Глава 1. Иллюзия безопасности

Сиэтл начала 1970-х годов представлял собой город, застывший на уникальном историческом рубеже. Бурные протесты шестидесятых постепенно уступали место более спокойной, интроспективной эпохе контркультуры. Тихоокеанский Северо-Запад США, с его вечнозелеными лесами, тяжелым свинцовым небом и бесконечными морозящими дождями, казался идеальным убежищем от социальных потрясений, сотрясавших Восточное побережье и южные штаты. Здесь, среди гор и озер, формировалось новое общество — общество абсолютного, почти наивного доверия.

Для молодого поколения, стекавшегося в студенческие го-

родки Вашингтона, свобода была не просто абстрактным политическим лозунгом. Она была образом жизни, физическим ощущением, разлитым в прохладном воздухе. Двери домов в пригородах часто оставались незапертыми на ночь. Автостоп, который десятилетия спустя станет ассоциироваться со смертельным риском, в 1974 году считался абсолютной нормой — социальным клеем, объединявшим студентов, путешественников и местных жителей. Вытянутая рука с поднятым вверх большим пальцем на обочине межштатной автомагистрали I-5 была символом солидарности, а не приглашением к беде.

Девушки с длинными, распущенными волосами, одетые в расклешенные джинсы и объемные свитера, без тени сомнения садились в машины к незнакомцам, чтобы проехать пару миль до кампуса или добраться до музыкального фестиваля. Никто не спрашивал имен. Никто не записывал номера автомобилей. Эта парадигма всеобщего братства создавала невидимый, но осязаемый купол комфорта.

Особенно сильно это чувствовалось на территории Университета Вашингтона (UW). Кампус, представлявший собой архитектурный ансамбль из зданий в стиле студенческой готики, широких зеленых лужаек и лабиринтов аллей, жил по своим собственным законам. Для студенток, многие из которых впервые покинули родительские дома, этот район стал символом эмансипации. Вечерами они спокойно возвращались в свои общежития и женские клубы в районе

«Грик-Роу» (Greek Row), не оглядываясь через плечо в темноту. Уличные фонари выхватывали из тумана лишь силуэты спешащих на лекции однокурсников. Зло, по их твердому убеждению, обитало в грязных переулках индустриального Чикаго или в криминальных хрониках Нью-Йорка. Здесь, в Сиэтле, они были в безопасности.

Но именно эта иллюзия безопасности стала главным оружием хищника, который уже начал свою охоту.

Аномалия в комнате на первом этаже

Первые трещины на фасаде сиэтлской идиллии появились в самом начале 1974 года. В полицейских архивах того времени зима зафиксирована сухими сводками о туманах и низких температурах, но для следователей она навсегда останется сезоном, когда город начал терять своих дочерей.

Линда Энн Хили была олицетворением новой, уверенной в себе юности. В свои 21 студентка старшего курса факультета психологии была известна невероятной ответственностью. Она работала с детьми, имеющими особенности развития, пела в хоре и каждое утро, ни свет ни заря, отправлялась на местную радиостанцию, чтобы зачитывать в прямом эфире сводки погоды и отчеты о состоянии лыжных трасс для любителей зимнего спорта. Линда снимала комнату на первом этаже большого дома в студенческом районе, который делила с несколькими соседками.

Утро 1 февраля 1974 года началось с оглушительного звона будильника. Звук доносился из комнаты Линды и не прекращался. Соседки, привыкшие к тому, что девушка всегда встает вовремя, чтобы успеть на радиоэфир, сначала не придали этому значения. Но время шло, а будильник продолжал методично разрезать утреннюю тишину. Когда одна из девушек приоткрыла дверь в ее спальню, она увидела картину, которая навсегда врезалась в историю криминалистики своей пугающей нормальностью.

Линды в комнате не было.

На первый взгляд, все вещи находились на своих местах. Однако при более внимательном осмотре детали начали складываться в тревожную мозаику, вызывающую инстинктивный, липкий холодок по спине. Кровать Линды была заправлена с армейской точностью — так аккуратно, как сама девушка никогда ее не заправляла. Ее любимая ночная рубашка, в которой она точно легла спать накануне вечером, аккуратно висела в шкафу.

Никаких следов взлома. Ни разбитых стекол, ни перевернутой мебели, ни разбросанных вещей. Входная дверь в дом была заперта. Но в комнате отсутствовали рюкзак Линды и одежда, которую она обычно надевала на работу.

Когда на место прибыл наряд полиции, офицеры поначалу отнеслись к вызову скептически. Взрослые люди имеют конституционное право исчезать. Возможно, студентка устала от рутины, поругалась с парнем или спонтанно уехала с

друзьями на побережье. Но соседки настаивали: Линда никогда бы так не поступила. Она была слишком ответственной, слишком предсказуемой.

Истинный масштаб трагедии начал проясняться лишь тогда, когда криминалисты откинули идеально заправленное покрывало. На наволочке и простыне обнаружилось небольшое, клинически ровное пятно крови.

Полицейские логи того дня фиксируют сухую констатацию факта: *«Потерпевшая отсутствует. Признаков борьбы не обнаружено. Обнаружены следы биологической жидкости. Статус: пропавшая без вести при подозрительных обстоятельствах».*

Как можно похитить здорового, взрослого человека из дома, полного других людей, не издав ни единого звука? Девушка буквально растворилась в вязком февральском тумане, не оставив после себя ничего, кроме аккуратно заправленной постели и ледящей душу загадки.

Эпидемия тишины

Исчезновение Линды Энн Хили не стало единичным событием в матрице безопасного города. Оно было лишь увертюрой. Весна 1974 года обернулась для штата Вашингтон настоящим кошмаром, разворачивающимся в замедленной съемке.

12 марта. Донна Мэнсон, 19-летняя студентка Государ-

ственного колледжа Эвергрин, покинула свое общежитие, чтобы пойти на джазовый концерт в кампусе. Моросил дождь. Она надела зеленое пальто, взяла зонт и шагнула в сумерки. На концерте она так и не появилась.

17 апреля.Сюзан Ранкерт, 18-летняя первокурсница Центрального Вашингтонского университета, отличница и крайне пунктуальная девушка, исчезла по пути из кинотеатра в свое общежитие. Путь должен был занять не более десяти минут по освещенной территории кампуса.

6 мая.Роберта Паркс, 22-летняя студентка Университета штата Орегон в Корваллисе, вышла из своей комнаты, чтобы выпить кофе в студенческом центре. Она оставила на столе недописанное письмо и чашку чая, уверенная, что вернется через полчаса. Больше ее никто не видел.

27 мая.Бренда Болл, 22 года. Исчезла после того, как вышла из таверны «Фламинго» в южном пригороде Сиэтла.

11 июня.Джорджианн Хокинс, 18 лет, звезда кампуса Университета Вашингтона. Исчезла в ярко освещенном переулке между двумя зданиями студенческих братств, не дойдя до своей комнаты всего несколько десятков метров.

Паттерн этих исчезновений повергал в шок самых опытных детективов Сиэтла и округа Кинг. Девушки пропадали в публичных местах, часто в окружении сотен других студентов. Они исчезали в радиусе своих зон комфорта — по пути на учебу, в библиотеку, на концерт.

Ни в одном из случаев не было найдено ни единого сви-

детеля, который видел бы момент нападения. Никто не слышал криков о помощи. Никто не находил следов волочения, брошенных в панике сумочек или упавших учебников. Никакого шума форсированного двигателя скрывающегося автомобиля.

В полицейских участках на досках объявлений множились черно-белые фотографии молодых, красивых лиц. Детективы часами стояли перед этими досками, вдыхая едкий сигаретный дым и пытаясь найти хоть какую-то связь, способную пробить брешь в этом глухом монолите неизвестности. В то время у полиции не было компьютерных баз данных, систем видеонаблюдения или возможности отследить биллинг мобильных телефонов. Следствие велось с помощью бумажных картотек, телетайпов и бесконечных телефонных звонков между управлениями разных округов.

Каждое новое дело ложилось на стол следователей с пометкой «Пропавшая без вести». Система правосудия отчаянно сопротивлялась очевидному. Признать, что эти случаи связаны, означало бы признать страшный факт: по улицам их мирного, утопающего в зелени города бродит серийный убийца. Термина «серийный убийца» в его современном криминалистическом понимании тогда еще не существовало, его популяризируют агенты ФБР лишь спустя несколько лет. Но опытные полицейские нутром чуяли — они имеют дело не с совпадениями.

«Когда у вас пропадает одна девушка, вы ищете сбежав-

шую студентку, — запишет позже один из следователей. — Когда пропадают три, вы начинаете задавать вопросы. Когда пропадают шесть, и все они исчезают беззвучно, не оставляя после себя ничего, кроме вакуума, вы понимаете, что столкнулись с чем-то запредельным. С чем-то, что не укладывается в стандарты обычного криминала».

Анализ невидимости

Следователи департамента полиции Сиэтла столкнулись с феноменом, который полностью ломал их привычные представления о преступном поведении. Обычные насильственные преступления всегда оставляют хаос. Грабеж оставляет после себя вывернутые карманы и синяки. Спонтанное нападение в подворотне оставляет следы борьбы под ногтями жертвы, клочки одежды, брошенные в грязи личные вещи.

Здесь же царила стерильная, пугающая чистота. Хищник действовал не импульсивно, а с хирургической точностью. Тот факт, что ему удавалось забирать девушек из их естественной среды обитания — иногда с оживленных улиц, иногда прямо из их собственных спален — говорил о невероятном уровне подготовки, контроля и, что самое страшное, социального интеллекта.

Чтобы заставить молодую женщину сесть в машину или уйти в темноту без крика и сопротивления, преступник должен был обладать ключом, отпирающим тот самый замок

«общества абсолютного доверия». Он не мог выглядеть как маргинал, бродяга или безумец. Он должен был идеально мимикрировать под окружающую среду. Он должен был выглядеть *безопасным*.

В закрытых кабинетах полицейского управления округа Кинг капитаны и сержанты пытались составить первый, грубый психологический профиль невидимки. Они понимали: этот человек умен. Возможно, он студент или выпускник университета, так как прекрасно ориентируется в сложной топографии кампусов, знает расписание лекций, привычки студентов и маршруты патрульных машин. У него есть надежное транспортное средство. И у него есть метод — отработанный, безупречный сценарий, который не дает сбоев.

Отсутствие тел стало главным камнем преткновения. Согласно юридическим протоколам 1974 года, без тела крайне сложно было даже классифицировать дело как убийство. Следователям приходилось балансировать между растущей паникой родственников пропавших и бюрократическими барьерами системы. Полиция прочесывала парки, организовывала поисковые отряды, привлекала служебных собак, но густые леса штата Вашингтон хранили свои тайны. Лесные массивы Каскадных гор, окружающие Сиэтл, представляли собой тысячи квадратных миль непроходимой чащи, где можно было спрятать что угодно и кого угодно.

Конец эпохи

К началу лета 1974 года невидимый ужас наконец просочился со страниц внутренних полицейских отчетов на передовицы местных газет. The Seattle Times и Seattle Post-Intelligencer начали открыто писать о «таинственных исчезновениях».

Атмосфера в городе изменилась до неузнаваемости. Иллюзия безопасности, в которой студенты Сиэтла жили годами, рассыпалась в прах. Купол треснул.

Родители звонили своим дочерям из других штатов, умоляя их вернуться домой или хотя бы не выходить на улицу после наступления темноты. Девушки начали ходить группами по трое или четверо, крепко сжимая в карманах пальто ключи от комнат, зажатые между костяшками пальцев на манер кастета.

На дверях общежитий появились тяжелые врезные замки. Администрации университетов ввели новые протоколы безопасности, обязав студентов отмечаться у комендантов.

Но самым ярким маркером изменившейся эпохи стали пустые обочины шоссе. Знаменитый автостоп, символ свободы и братства, стремительно вымирал. Поднятый вверх большой палец больше не означал доверия; теперь любой притормозивший автомобиль рассматривался через призму липкой, парализующей паранойи. Кто сидит за рулем? По-

чему он остановился?

Тень плотно легла на кампус Университета Вашингтона. Детективы, работавшие на износ по шестнадцать часов в сутки, пили остывший кофе и перебирали сотни заявлений от встревоженных граждан, осознавая свою беспомощность. В городе завелся некто, кто понимал человеческую психологию лучше, чем сами психологи. Некто, чье лицо было настолько нормальным, что не привлекало внимания. Они искали призрака. Но полиция еще не знала, что этот призрак не прячется в подвалах или глухих лесных хижинах. Он улыбается людям на улицах, покупает кофе в тех же кафе, что и следователи, и готовится совершить свой самый дерзкий, беспрецедентный по наглости ход при свете дня. Ход, который наконец подарит ему имя.

Глава 2. Голос на проводе

Пока детективы Сиэтла в прокурорных кабинетах пытались найти логику в серии беззвучных исчезновений студентов, пока по всему Тихоокеанскому Северо-Западу нарастала глухая, парализующая паника, источник этого страха вел жизнь, не поддающуюся никакому криминалистическому осмыслению.

Чтобы поймать монстра, полиция искала изгоя. Одиночку, живущего на обочине общества, человека с бегущим взглядом и неспособностью социализироваться. Детективы искали тень. Они не понимали, что абсолютное зло редко прячется в темноте. Чаще всего оно стоит на самом светлом

месте, улыбается и предлагает помощь.

В 1971 году, за несколько лет до того, как Сиэтл захлестнула волна исчезновений, в городе активно работал Центр кризисного вмешательства. Это была телефонная служба доверия, спасательный круг для тех, чья жизнь подошла к роковой черте. Люди, звонившие сюда глубокой ночью, находились в состоянии крайнего отчаяния. Подростки, убежавшие из дома, женщины, страдающие от глубокой депрессии, одинокие старики и потенциальные самоубийцы, уже держащие в руках горсть таблеток.

Работа волонтера на такой линии требовала невероятного эмоционального ресурса. Слушать чужую боль часами, впитывать чужие слезы, находить правильные слова, когда на кону стоит человеческая жизнь, — большинство добровольцев выгорали здесь за пару месяцев. Они уходили, раздавленные тяжестью чужих трагедий, с которыми не могла справиться их собственная психика.

Но был один волонтер, который никогда не выгорал. Молодой студент, изучающий психологию в Университете Вашингтона, брал самые тяжелые ночные смены, длившиеся с полуночи до восьми утра.

Его звали Тед.

Анатомия эмпатии

Атмосфера в офисе кризисного центра была пропитана

запахом дешевого растворимого кофе, сигаретного дыма и концентрированного стресса. Под гудение люминесцентных ламп волонтеры сидели за простыми столами, отделенными друг от друга тонкими перегородками. Перед каждым из них стоял громоздкий дисковый телефон. Когда аппарат разражался резким, дребезжащим звонком, это всегда была лотерея. На другом конце провода мог быть просто одинокий человек, которому нужно выговориться, а мог быть кто-то, кто уже приставил дуло к виску.

Тед Банди брал трубку с неизменным, почти пугающим спокойствием.

Его голос был его главным, безотказным инструментом. Баритон, лишенный резких интонаций, обволакивающий, глубокий и гипнотически ровный. В нем не было ни капли осуждения, ни тени паники. Когда в трубке звучали истеричные рыдания, голос Теда действовал как ментальная анестезия.

— Я здесь, — говорил он, медленно накручивая телефонный провод на палец. — Я слушаю тебя. Ты не один. Мы со всем справимся.

И люди верили ему. Отчаявшиеся женщины, стоящие на подоконниках высотных зданий или запершиеся в ваннных комнатах, постепенно успокаивались под звук этого голоса. Он мастерски вел диалог, аккуратно выводя собеседника из штопора паники. Он задавал правильные вопросы. Он давал им ощущение, что в этом огромном, холодном мире есть че-

ловек, которому они небезразличны. За время своей работы Тед Банди реально, без всяких преувеличений, спас десятки жизней. Он отговаривал людей от суицида. Он вызывал скорую помощь тем, кто успел причинить себе вред, удерживая их на линии до прибытия врачей.

Руководство клиники видело в нем идеального сотрудника. Студент, готовящийся к блестящей юридической или политической карьере, всегда опрятно одетый — водолазки нейтральных тонов, отутюженные брюки, аккуратная стрижка. Он был вежлив, предупредителен и, казалось, соткан из чистейшего альтруистического сострадания.

Но правда, скрытая за этим идеальным фасадом, была гораздо страшнее любого импульсивного преступления. Психика Теда Банди функционировала иначе.

Для нормального человека сострадание — это процесс сопереживания, энергозатратный и болезненный. Для социопата, коим являлся Банди, эмоции людей были просто данными. Информацией. Работая на телефоне доверия, он не сочувствовал своим абонентам. Он изучал их.

Линия для самоубийц стала для него идеальной лабораторией. Слушая, как ломаются люди, он методично исследовал человеческую уязвимость. Он учился распознавать интонации страха, стадии доверия и механизмы подчинения чужой воли. Он тестировал свой голос, наблюдая, какие фразы вызывают доверие, а какие заставляют человека открыться. Он собирал этот арсенал поведенческих паттернов не для того,

чтобы лечить. Он создавал идеальную, непроницаемую маску нормальности.

Более того, эта работа питала его фундаментальную потребность в контроле. Спасти жизнь или отнять ее — для психопата с комплексом бога обе эти крайности дарят сопоставимое чувство абсолютной власти над чужой судьбой. Сидя в полумраке офиса с телефонной трубкой у уха, он решал, будет ли человек на другом конце провода жить. Это была репетиция. Тренировка перед тем моментом, когда он начнет принимать точно такие же решения вживую, в темных переулках и на безлюдных парковках.

Идеальный напарник

По вторникам ночные дежурства вместе с Тедом делила женщина по имени Энн Рул. Ей было тридцать три года, она была матерью-одиночкой, воспитывающей четверых детей, и бывшим офицером полиции Сиэтла.

Оставив службу в органах, Энн нашла свое призвание в писательстве. Под мужским псевдонимом она публиковала статьи в журналах, посвященных реальным криминальным расследованиям, описывая будни убойных отделов и психологию убийц. В кризисный центр она пришла по тем же причинам, что и многие другие — из желания помогать людям в беде.

В те долгие, тягучие часы ночных смен, когда телефоны

молчали, волонтерам оставалось только разговаривать друг с другом. Так завязалась дружба, которая впоследствии станет одной из самых зловещих и известных историй в анналах американской криминалистики.

Для Энн Рул, женщины с наметанным полицейским глазом, привыкшей анализировать поведение людей и выявлять ложь, Тед казался образцом порядочности. Он был тем самым парнем, которого любая мать мечтала бы видеть рядом со своей дочерью.

Они сидели рядом, разделенные лишь узкой перегородкой стола. Пили ужасный растворимый кофе, делились сэндвичами и разговаривали обо всем на свете. Тед рассказывал ей о своих политических амбициях, об учебе, о своей девушке Мег, на которой собирался жениться. Он часто жаловался на нехватку денег и на то, как тяжело совмещать учебу с ночными сменами.

Энн видела в нем младшего брата. Она сопереживала его трудностям. Когда Тед говорил, что голоден, она приносила ему домашнюю еду. Когда он жаловался на усталость, она брала на себя часть его бумажной работы.

В своих разговорах они часто касались темы криминала — профессиональной страсти Энн. Она рассказывала ему о делах, над которыми работала как журналист, о психологии преступников, о методах полицейского дознания. Тед слушал очень внимательно. Он задавал уточняющие вопросы, демонстрируя глубокий, почти академический интерес к то-

му, как работает полиция, как собираются улики и почему одни дела раскрываются быстро, а другие годами пылятся в архивах.

Энн думала, что обсуждает юриспруденцию с будущим блестящим адвокатом. Она не осознавала, что сидит за одним столом с черной дырой, которая жадно поглощает информацию, необходимую ей для того, чтобы стать неуловимой. Серийный убийца получал бесплатные мастер-классы по криминалистике от бывшей сотрудницы полиции, весело смеясь над ее шутками и угощаясь ее печеньем.

Ирония ситуации достигла своего апогея весной 1974 года, когда по Сиэтлу прокатилась волна загадочных исчезновений. Энн Рул получила от своего издателя выгодный контракт на написание книги об этих похищениях. Полиция еще не знала, кто стоит за пропажей студенток, у следствия не было ни одного подозреваемого, но журналисты уже понимали, что в городе происходит что-то беспрецедентное.

Во время ночных дежурств Энн делилась с Тедом своими соображениями по поводу «невидимки», терроризирующего кампусы.

— Этот человек должен быть очень осторожным, — рассуждала она, перебирая карточки с именами пропавших девушек. — Он не оставляет следов. Никто ничего не видит. Должно быть, он обладает невероятным умением втираться в доверие.

Тед кивал, задумчиво глядя на нее своими ясными, вни-

мательными глазами.

— Согласен, — отвечал он спокойным баритоном. — Это должен быть кто-то, кто выглядит абсолютно нормально. Кто-то, кого девушки не боятся. Как думаешь, полиция уже приблизилась к разгадке?

Он смотрел на нее без малейшего напряжения, без капли страха. Его пульс был ровным. Он сидел в полуметре от женщины, которая писала книгу о его собственных преступлениях, и хладнокровно обсуждал с ней свой же психологический портрет.

Проводник во тьму

Но самая пронзительная и жуткая деталь их дружбы заключалась в ритуале, которым заканчивалось каждое их совместное дежурство.

Кризисный центр закрывался в два часа ночи. Город к этому времени вымирал. Сиэтл погружался в густой, влажный туман, который стелился по блестящему от дождя асфальту, превращая уличные фонари в размытые желтые пятна. Парковка находилась в темном переулке в нескольких кварталах от здания клиники.

В 1974 году, когда новости о пропавших девушках уже начали отравлять атмосферу города страхом, Энн Рул, несмотря на свой полицейский опыт, чувствовала себя неудобно, выходя на безлюдные улицы глубокой ночью.

Тед ни разу не позволил ей дойти до машины одной.

Каждую ночь, когда они сдавали смену, он брал свое пальто, галантно открывал перед ней дверь и говорил: — Энн, сейчас слишком поздно. На улицах небезопасно. Я провожу тебя.

Они шли по темным, гулким тротуарам Сиэтла. Энн опиралась на его руку, чувствуя себя абсолютно защищенной. Рядом с ней был сильный, умный, заботливый мужчина. Тот самый эмпатичный волонтер, который только что отговорил плачущую школьницу от непоправимого шага. Тот самый парень, который трогательно рассказывал о любви к своей невесте.

Тед провожал ее до самого автомобиля. Он дожидался, пока она откроет дверцу, сядет за руль и заведет двигатель. Затем он махал ей на прощание рукой, улыбался своей фирменной, обезоруживающей улыбкой и растворялся в тумане.

В эти минуты Энн Рул, будущий автор главного бестселлера о Тедде Банди «Незнакомец рядом со мной», думала лишь о том, как повезло обществу, что в нем есть такие светлые и надежные молодые люди.

Она не знала, и не могла знать, что те самые руки, которые учтиво придерживали для нее тяжелую дверь кризисного центра, спустя несколько дней будут душить Джорджианн Хокинс.

Она не подозревала, что тот самый бархатный, располагающий голос, который только что уверял подростка-само-

убийцу в ценности человеческой жизни, будет шептать угрозы запертой в машине жертве.

В этом заключался истинный, парализующий ужас феномена Банди. Он не был оборотнем, меняющим облик в полнолуние. Он был человеком без ядра, зеркалом, способным отразить то, что от него хотели видеть окружающие.

Когнитивный диссонанс был слишком велик для человеческой психики. Наше сознание отказывается принимать тот факт, что абсолютное сострадание и первобытная жестокость могут уживаться в одном теле, не вызывая в нем внутреннего взрыва.

Мы запрограммированы верить, что зло носит клеймо. Что у убийцы должны быть пустые глаза, жестокая ухмылка и неконтролируемые вспышки гнева. Что маньяк выдаст себя неуместной реакцией, неспособностью к сочувствию или хотя бы социальной неловкостью.

Но Тед Банди сломал эту систему координат.

Среда, вечер. Он сидит в наушниках на линии доверия. Звонит телефон. На другом конце — женщина, глотающая слезы. Тед понижает голос, делая его мягким, как бархат. — Я понимаю вашу боль. Пожалуйста, не делайте этого. Вы нужны этому миру. Я останусь с вами на линии столько, сколько потребуется.

Он спасает ей жизнь. Он кладет трубку. Аккуратно записывает данные в журнал дежурств идеальным, ровным почерком. Прощается с коллегами, лучезарно улыбаясь.

Четверг, вечер. Он садится в свой светло-коричневый «Фольксваген Жук». На пассажирском сиденье лежит аккуратно свернутая веревка. Он снимает с полки гипсовую повязку — реквизит, с помощью которого он будет давить на жалость своих следующих жертв. Он выезжает на охоту.

Он был спасителем по ночам и палачом днем. И именно эта безупречная маска нормальности стала причиной того, что полиция Сиэтла, имея на руках сотни улик и свидетельских показаний, еще очень долго не сможет разглядеть дьявола, который прятался у всех на виду, мило улыбаясь и предлагая донести книги до машины.

Глава 3. «Его зовут Тед»

В середине 1974 года кабинеты департамента полиции Сиэтла и управления шерифа округа Кинг напоминали бункеры, находящиеся в состоянии затяжной, изматывающей осады. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным застарелым запахом дешевого табака, жженого кофе и бумажной пыли. Стук тяжелых клавиш пишущих машинок сливался в непрерывный, тревожный гул. На стенах, лишенных каких-либо украшений, висели пробковые доски, которые с каждой неделей становились все более пугающими.

На этих досках, приколотые канцелярскими кнопками, множились черно-белые фотографии. Линда Энн Хили.

Донна Мэнсон. Сьюзан Ранкурт. Роберта Паркс. Бренда Болл. Джорджианн Хокинс. Улыбающиеся, полные жизни молодые женщины, чьи судьбы оборвались с пугающей внезапностью. Между фотографиями детективы натягивали цветные нити, пытаясь найти географическую, хронологическую или социальную связь. Но нити лишь запутывались, образуя бессмысленную паутину над картой Тихоокеанского Северо-Запада.

Следствие зашло в глухой, парализующий тупик. Ни единого тела. Ни одного места преступления, где можно было бы снять отпечатки пальцев, найти следы борьбы, микрочастицы кожи или капли крови. Девушки исчезали так, словно их стирали с лица земли невидимым ластиком.

Традиционные методы полицейского расследования давали сбой. В 1974 году сыщики не могли запросить биллинг сотовых телефонов, просмотреть записи с уличных камер видеонаблюдения или прогнать ДНК по национальной базе данных. Работа строилась на изнурительном ручном труде: опросах свидетелей, проверке картотек условно-досрочно освобожденных, звонках в психиатрические клиники и бесконечном перекладывании бумаг. Детективы искали человека, склонного к насилию — маргинала, бродягу, человека с длинным списком приводов за нападения, чье поведение должно было привлекать внимание своей неадекватностью.

Но время шло, а «неадекватного маргинала» в радиусе исчезновений никто не видел.

Осознание того, что они ищут не в том направлении, пришло постепенно. Это был не внезапный инсайт, а медленное, мучительное изменение угла зрения. Следователи поняли простую, но леденящую душу вещь: если никто не слышал криков, значит, жертвы шли с похитителем добровольно. Их не тащили в темноту силой. Их уводили при свете дня или в людных местах.

Чтобы заставить умную, осторожную студентку добровольно покинуть безопасную зону и сесть в машину к незнакомцу, этот незнакомец должен был обладать ключом к ее доверию.

Детективы сменили тактику. Они вернулись на кампусы университетов — туда, где жертвы были замечены в последний раз, — и начали задавать другие вопросы. Они перестали спрашивать: «Видели ли вы что-нибудь подозрительное или пугающее?». Они начали спрашивать: «Вспомните, не происходило ли в те дни чего-то странного, нетипичного, но на первый взгляд совершенно безобидного?».

Этот сдвиг в методологии следствия сработал. Изюм дня в день, из сотен пустых и бесполезных интервью, сквозь информационный шум начали проступать контуры призрака. На разрозненных территориях кампусов разные, не связанные между собой студентки стали рассказывать одну и ту же историю.

Оружие из гипса и картона

Первые свидетельские показания, которые заставили детективов насторожиться, казались абсолютно не относящимися к криминалу. Это были рассказы о неловких, случайных встречах, о которых девушки вспоминали лишь после долгих расспросов, так как эти эпизоды не вызывали у них чувства тревоги.

Свидетельница с кампуса Университета Вашингтона вспомнила мужчину, которого видела возле студенческой библиотеки. По ее описанию, это был молодой человек в возрасте около двадцати пяти или двадцати семи лет. Он был хорошо сложен, одет в чистые брюки и светлую водолазку, его темные волосы были аккуратно подстрижены. Он выглядел как классический студент юридического или медицинского факультета — интеллигентный, ухоженный, привлекательный.

Но была одна деталь, которая мгновенно выделяла его из толпы. Его правая рука была закована в громоздкую гипсовую повязку и поддерживалась перевязью, перекинутой через шею.

По словам свидетельницы, мужчина пытался нести тяжелую стопку книг и уронил их прямо перед ней. Он неловко попытался собрать их здоровой рукой, извиняясь с обезоруживающей, смущенной улыбкой. Девушка, движимая есте-

ственным рефлексом, наклонилась и помогла ему.

— Вы не могли бы помочь мне донести это до моей машины? — спросил он бархатным, вежливым голосом. — Я припарковался совсем недалеко, но с этой рукой я просто не справляюсь.

Она согласилась. Они прошли несколько десятков метров до парковки, где стоял его автомобиль. Она положила книги, он поблагодарил ее, и они разошлись. На этом история закончилась.

Но через несколько дней детектив из соседнего округа, опрашивая студенток Центрального Вашингтонского университета в Элленсбурге, где незадолго до этого пропала Сюэзан Ранкурт, услышал похожий рассказ. Другая девушка описала привлекательного мужчину, который уронил связку папок возле женского общежития. У него на руке был гипс. Он тоже попросил помочь донести вещи до машины. И она тоже помогла.

Затем появилась третья свидетельница. На этот раз мужчина был не с гипсом на руке, а передвигался на костылях, волоча за собой ногу, на которую, по всей видимости, была наложена шина. Он тоже был невероятно вежлив, обаятелен и нуждался в помощи. Он просил девушек донести его портфель.

Когда эти рапорты легли на один стол в управлении шерифа округа Кинг, в кабинете повисла звенящая, холодная тишина. Детективы поняли, что смотрят на *modus operandi*

(образ действия) одного из самых умных и расчетливых хищников в истории американской криминалистики.

Этот человек не использовал нож, чтобы напугать своих жертв. Он не прятался в кустах. Его главным оружием была социальная инженерия. Он блестяще играл на базовых человеческих инстинктах, превращая лучшее, что есть в людях — сострадание и желание помочь ближнему, — в смертельную ловушку.

В обществе того времени, особенно среди воспитанных девушек из среднего класса, вежливость и отзывчивость воспитывались с пеленок. Отказать в помощи привлекательно-му, интеллигентному человеку, который к тому же физически травмирован, считалось проявлением невероятной грубости. Преступник это знал. Он ломал традиционную динамику власти. На темной улице сильный мужчина пугает женщину. Но привлекательный мужчина со сломанной рукой, неловко роняющий книги, выглядит уязвимым. Он переводит женщину из статуса потенциальной жертвы в статус «спасительницы».

Ее инстинкты самосохранения отключаются. Она не видит угрозы в человеке, который не может даже удержать в руках учебник по юриспруденции. Гипс и костыли были не просто маскировкой — это был театральный реквизит, психологическая отмычка, взламывающая систему безопасности в головах жертв.

Фольксваген Жук и имя без лица

Как только следователи определили паттерн, начался целенаправленный сбор деталей. Девушки, которым посчастливилось отказаться от помощи мужчине с гипсом, или те, кто дошел с ним до парковки, но ушел до того, как он успел захлопнуть ловушку, стали самыми ценными свидетелями в штате.

Благодаря их показаниям у невидимого монстра появилось транспортное средство.

Почти все свидетели описывали одну и ту же машину, к которой раненый незнакомец просил донести его вещи. Это был светло-коричневый или бронзовый «Фольксваген Жук» (Volkswagen Beetle) — культовый автомобиль эпохи, дешевый, экономичный и повсеместно распространенный на студенческих парковках.

«Жук» был идеальным камуфляжем. Он не ассоциировался с опасностью, не выглядел агрессивно, как маслкары, и не выделялся в потоке, как дорогие седаны. Это была машина «соседского парня».

Но была одна деталь, которую заметили несколько наиболее внимательных свидетельниц, деталь, от которой у опытных криминалистов по коже пробежал мороз. Когда они подходили к машине и незнакомец открывал пассажирскую дверь, чтобы они могли положить книги, девушки замечали

странность в салоне автомобиля.

Переднее пассажирское сиденье отсутствовало.

На его месте зияло пустое пространство вплоть до заднего дивана. Мужчина обычно объяснял это тем, что машина находится в ремонте, или что он временно снял кресло для перевозки габаритных вещей. Девушки, не чуя подвоха, кивали. Никто из них не догадывался, что это пустое пространство было конструктивной необходимостью для убийцы. Убрав переднее сиденье, он мог заставить жертву сесть на пол, лишая ее возможности легко дотянуться до дверной ручки, или мог легко перекинуть оглушенного человека на заднее сиденье, чтобы его не было видно в окна. Машина была не просто средством передвижения — она была модифицированной, передвижной тюремной камерой, спроектированной с инженерной холодностью.

Помимо автомобиля, сыщики получили еще одну, на первый взгляд, колоссальную зацепку. У призрака появилось имя.

Несколько свидетельниц, описывая свой разговор с мужчиной с перевязанной рукой, вспомнили, как он представлялся. Он не скрывал своего лица, не отводил глаз. Наоборот, он устанавливал зрительный контакт, тепло улыбался и протягивал здоровую левую руку для пожатия.

— Привет, — говорил он. — Спасибо, что выручила. Меня зовут Тед.

Тед. Короткое, дружелюбное, абсолютно заурядное аме-

риканское имя. Теодор. Детективы записали это имя крупными печатными буквами на доске в управлении полиции. *«ЕГО ЗОВУТ ТЕД. ОН ЕЗДИТ НА КОРИЧНЕВОМ ЖУКЕ. ОН ИМИТИРУЕТ ТРАВМЫ».*

Казалось бы, следствие совершило прорыв. У них был профиль, был метод, была марка и цвет автомобиля, было даже имя. В обычных условиях дело было бы раскрыто за пару недель.

Но следователи 1974 года столкнулись с феноменом, к которому система правосудия была абсолютно не готова.

Когнитивный диссонанс правосудия

Собранный профиль категорически отказывался укладываться в полицейские шаблоны. Это был парадокс, который тормозил расследование эффективнее, чем отсутствие прямых улик.

Криминалистика того времени только начинала формировать базу знаний о серийных преступниках. В кабинетах, где висели фотографии пропавших студенток, царило твердое убеждение: человек, способный беззвучно похищать и убивать девушек десятками, должен быть монстром не только внутри, но и снаружи. Он должен вызывать отторжение. Он должен быть социальным аутсайдером, человеком с низким интеллектом, плохой речью, неспособным поддерживать нормальные отношения.

А кого описывали свидетели? Интеллигентного, красноречивого, привлекательного молодого человека. Студента с хорошими манерами, который пахнет чистым лосьоном после бритья. Человека, который может подойти к любой девушке в кампусе, и она не перейдет на другую сторону улицы, а улыбнется в ответ.

— Вы хотите сказать, что мы ищем студента юридическо-го? — скептически переспрашивали опытные капитаны, глядя на рапорты. — Парня, который выглядит так, словно завтра будет баллотироваться в Сенат? Убийцы так не выглядят. Убийцы не ездят на чистых «Жуках» и не используют академический язык.

Это было роковое слепое пятно. Детективы искали хищника с клыками и в окровавленных лохмотьях, в то время как хищник носил твидовый пиджак, читал Ницше и работал на телефоне доверия.

Полиция начала проверять регистрации светло-коричневых «Фольксвагенов», но в одном только штате Вашингтон таких машин были десятки тысяч. Имя «Тед» было настолько распространенным, что не сужало круг подозреваемых, а скорее размывало его.

Следователи стояли перед доской с фотографиями. Теперь они знали, как монстр охотится. Они знали его имя и цвет его машины. Они знали, что он невероятно умен, артистичен и обладает пугающим контролем над своими эмоциями.

Но они все еще не могли поверить в то, что этот человек живет среди них, ходит с ними по одним улицам и выглядит абсолютно нормальным. Пока полиция боролась с собственным когнитивным диссонансом, пытаясь совместить образ интеллигентного «Теда» с жестокостью его поступков, сам Тед понял, что его трюк с гипсом работает безотказно.

Он почувствовал вкус абсолютной власти. Осторожность, с которой он действовал весной, начала уступать место высокомерию и пьянящему чувству собственной неуязвимости. Призрак обрел форму, имя и сценарий. И теперь, летом 1974 года, он готовился вывести свой кровавый спектакль из сумерек кампусов на залитый солнцем, многолюдный пляж, чтобы совершить преступление, которое навсегда изменит историю американской криминалистики своей беспрецедентной наглостью.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.